

Эвристические особенности тайнства медиатворчества

Творчество, как любой другой вид человеческой деятельности, прежде всего, зависит от наличия у творца нерастраченных запасов энергии. Именно энергия потенциально дает возможность преобразовывать окружающую обстановку согласно определенным задачам и представлениям, имеющимся у субъекта творчества.

Автор данной работы задается вопросом постижения источников креативной мощи журналистов и делает попытку обосновать ее через корреляцию с когнитивно-психологическими характеристиками структуры медийной личности.

Ключевые слова: творчество, герменевтика, медиа, познание, понимание, реальность, иллюзия, коммуникация, молчание.

Evgeny Tsukanov

Heuristic Features of the Mystery of Media Creativity

Creativity as any other human activity, first of all, depends on presence at the creator of not dissipated stocks of the energy accumulated by practical consideration. Energy potentially gives the chance to transform a surrounding situation according to the certain tasks and representations which are available for the subject of creativity.

The author of this work asks a question of comprehension of sources of creative power of journalists and does attempt to prove it through correlation with cognitive and psychological characteristics of structure of the media personality.

Key words: creativity, media, knowledge, understanding, reality, illusion, communication, silence.

Актуальность предложенной темы продиктована кризисными тенденциями, имеющими место в пространстве взаимодействия между массмедиа и потребителями журналистской продукции. Теоретики часто заостряют внимание на том печальном факте, что в современном мире тотальной коммуникации парадоксальным образом теряется главное – возможность когерентного понимания ее участниками друг друга, и даже сама возможность обратной связи [2] на волне растущего недоверия к информации [11].

На наш взгляд, это происходит, в том числе, и в связи с утратой медийщиками сакрально-вдохновенного отношения к своим непосредственным обязанностям. Поэтому целью статьи является попытка восстановления подобного отношения.

В рамках данной работы мы предлагаем рассматривать всякий подлинно творческий акт в сфере медиа как таинство. Таинство здесь – это не скрытое от непосвященных умов и оберегаемое в гностическом стиле тайное знание, не оккультные шифры и коды, не секреты для избранных. Мы понимаем таинство скорее рецептурно-эвристически. Это близко по смыслу к тому, что говорил о нем П. Флоренский, определяя его как «предикат истинности» [12, с. 127]. В свою очередь, истина=истинность есть ожидаемый результат любого познавательного процесса.

В качестве методологической базы исследования нами применяется герменевтический подход Ф. Шлейермахера, который рассматривал всякий текст как факт в мыслящем, как выражение духовной жизни автора [15, с. 38]. Из чего следует, что любой журналистский текст есть выражение духовной жизни самого журналиста. Если его духовная жизнь бедна, то и тексты получаются закономерно скудными; и, наоборот, богатая духовными переживаниями жизнь автора рождает привлекательные тексты, насыщенные энергией существования.

Неопровержимо, что чистоту таинства способно нарушить святотатство, внешне, быть может, и незаметное. Святотатство на основании этимологии данного слова («тать» в церковнославянском означало воровство и мошенничество) мы будем отождествлять с преступлением как посягательством на некую ценность ради нанесения ей урона или хищения. В контексте нашего разговора творчество представляет собой очевидную ценность. Преступление может быть ассоциировано с расстройством условного порядка, а так как порядок к тому же является и демонстрацией присутствия идеи прекрасного в нашем хаотическом мире, то его нарушение следует идентифицировать с осквернением красоты, ее разложением, обобщенно – злом диссипации. В другом месте мы уже называли данный деструктивный феномен понятием де-медиа [14]. Далее попытаемся выявить факторы и условия, которые тормозят журналистское творчество или делают его невозможным, выступая в роли агентов мошенничества относительно духовного бытия субъекта творческой деятельности.

Примем за аксиому, что первоимпульс творчества – в познании, накоплении и продуктивной переработке нужной информации. В то же время, методологически важно и отвержение творцом ненужных сведений, поскольку

творческий посыл еще и в не расплескивании себя по мелочам. Подлинный творец разборчив, его задача защищать таинственную красоту и стройность возвышенного духовного состояния. Это становится особенно актуальным в постиндустриальном обществе, в котором чтобы не повредить свой исследовательский аппарат приходится действовать по принципу «хорошо что-то знать, но еще лучше не мнить знанием незнание» и, соответственно, не путать информацию как меру определенности с шумом. Подчеркнем, что подобный подход к профессиональным обязанностям журналиста не есть эстетическая прихоть, но способ выживания и сохранения в целостности креативных качеств, гарантирующих успех, конкурентоспособность и высокие гонорары. Потускневшие на общем фоне модернизации ментальные ретропрактики, типа добровольного поста и аскезы как искусства сопротивления мелким сомнительным желанием, вносящим смуту в функционирование ума, опять становятся востребованными, являясь страховкой от творческой импотенции. Как метко в этом плане высказался известный итальянский культуролог У. Эко: «Пока мы не вернем себе душевное равновесие, способствующее тонким дистинкциям, мы будем такими же, как Бен Ладен, а этого ему только и надо» [18, с. 351]. Речь, разумеется, идет о нежелательном откате к примитивной архаике.

Энергия творчества возникает на почве умения справляться с низменными страстями, едва уловимыми психоэмоциональными колебаниями и отличать главное от второстепенного. Не становиться жертвой антуража, не поддаваться опьяняющему воздействию сотен окружающих нас соблазнительных мелочей есть великое искусство накопления творческого потенциала. Служителям медиа важно развить в себе компетенцию сопротивления инфантильной витальной спячке, обращая внимание на подлинные жизненные обстоятельства, замаскированные под яркую знаково-символическую иллюзию. Для журналиста эти обстоятельства в том, что где-то идут войны, существует нещадная эксплуатация, регресс, а не в том, чтобы выложить очередное фото с друзьями в Instagram или обсудить новость с узколобого развлекательного ресурса. Нельзя променять дар журналистского первородства, дар борьбы за дальнейшую гуманизацию жизни на чечевичную похлебку симулятивных постмодернистских практик. Секрет продуктивного творческого долголетия в том, чтобы очнуться от летаргии, наводимой на медиарботников их же детищем, изящно названным К. Очеретяным «вязкой жидкостью экрана» [6, с. 111]. Данная субстанция способна фальсифицировать действительность настолько, что мы с подачи средств массовой информации уже приучены думать о мироздании чересчур просто. Тогда как,

согласно еще одному замечательному высказыванию У. Эко, отнюдь «не просты ни тайное, ни явное» [19, с. 11].

Журналистам необходимо радикальное пробуждение. Искренним творчеством можно заниматься, только принимая мир таким, каков он есть на самом деле, объективно. Думается, что каждый практикующий журналист в формате специальных тренинговых занятий в идеале должен быть обучен навыку различения истинного и ложного, главного и второстепенного, хотя вся постмодернистская парадигма вопиет об обратном: о преодолении жесткой Истины, буйстве ситуативности, плюрализма мнений, принудительной релятивизации ценностей и убеждений [8, с. 131]. Однако все равно экономика важнее политики, а политика важнее культуры, спорта и прогноза погоды, чему бы там ни учил журналистов-неофитов «его величество» инфотейнмент.

С сожалением констатируем, что уже на стадии вступительных испытаний абитуриенты журфаков в подавляющем большинстве представляют собой армию онтологических и эвристических профанов с изуродованной шкалой ценностных приоритетов, мировоззренческими девиациями, неустойчивым и спутанным состоянием сознания, питающимся постправдой [8]. Ментальный хаосмос начинающих журналистов представляет собой настоящее культурное бедствие, выражающееся в деформации представлений о внешней реальности до галлюцинаций, окруженных перверсивным почтением. Апелляция к творчеству в подобных исходных условиях выглядит контрпродуктивной утопией или же затеей, достойной намерений титанов. На руинах внутреннего мира субъекта трудно выстроить прекрасное здание творческой личности, чутко отзывающейся на великолепную сложность этого мира.

Необходимо честно говорить о банальной порочности журналистской молодой смены: те, кому сегодня девятнадцать, уже прошли через ад экзистенциального отступничества, выбрав когнитивное распутство в качестве ментального эталона. А факт добровольного отказа от метафизического достоинства *homo sapiens* резко нивелирует искусство журналистского плетения словес. Проиллюстрируем это примерами. Поголовная изнуренность первокурсников беспорядочной коммуникацией в социальных сетях, ведущейся на нулевом смысловом уровне, вносит существенные корректировки в моделирование академической среды. Ее приходится упрощать до минимума, подстраиваясь под язык и повадки первобытности. Второй момент – примитивный культурный уровень будущих лидеров общественного мнения. Отсутствие живого интереса к истории, текущей политической повестке

собственной страны, воинствующее равнодушие к сложным международным отношениям и предпочтение этому бегство в вымышленные миры и параллельные реальности, наподобие аниме, компьютерных игр или поттерианы, не даст пройти элементарный тест на профессиональную пригодность. Все это напоминает букет медицинских противопоказаний к журналистскому творчеству, закрывающих дверь в специальность, выстроенную на эвристическом и креативном фундаменте.

Единственный, как кажется, способ справиться с младожурналистским декадансом – серьезное терапевтическое вмешательство в глубинные структуры психики. Это может, скажем, выглядеть как индивидуальная профилактика журналистских гносеологических девиаций в рамках преподаваемых курсов, входящих в учебные планы, на которых опытный и творчески состоятельный преподаватель составляет что-то вроде «дорожной карты» личностного исцеления от социальной аномии и познавательного индифферентизма под конкретного студента. Эта карта должна, по идее, включать в себя перечни литературных, музыкальных, кинематографических произведений для самостоятельного (и в полном объеме) освоения под серьезным контролем со стороны взрослого наставника. С другой стороны, в целях роста креативности необходимо рекомендовать составление списков условно «табуированных» объектов и практик повседневности, в которых вязнет неискушенное и нетренированное молодое сознание. Посещение некачественных интернет-ресурсов, участие в легкомысленных групповых обсуждениях тривиальных тем в социальных сетях, игромания или же просмотр не стоящих ни времени, ни сил будущего журналиста глупых сериалов могут быть серьезнейшим образом лимитированы на добровольных началах по соглашению с самим студентом, проходящим реабилитацию. В итоге участники спецкурса должны будут осознать, что социальный эскапизм, наносящий удар по истинному творчеству, в то же время есть и форма проявления инстинкта смерти (по Э. Фромму, – разновидность некрофилии) [13, с. 329].

Эрих Фромм дает очень емкое определение некрофилии, в котором косвенно содержится ответ на вопрос авторитетного теоретика медиапрактики Г. В. Лазутиной «Почему иногда не пишется?»: «Итак, некрофилию в психологическом смысле можно определить как страстное влечение ко всему мертвому, больному, гнилостному, разлагающемуся; одновременно это страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения; а также исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому)» [13, с. 231].

Сегодня сложно найти среди студентов-журналистов тех, кто не проявлял бы нездорового любопытства ко всевозможным психическим и поведенческим аномалиям. В тренде татуировки, пирсинг, дебаты на тему защиты прав лиц с нетрадиционной ориентацией, легализации легких наркотиков, пропаганды привлекательности азартных игр, романтизации суицида и пр. Подобные вещи, по сути, обнуляют состояние цивилизованности, завоеванное с таким трудом многими поколениями предков. Увы, безо всяких аллюзий к вымышленным вампирам, стоит вслед за Э. Фроммом отнести их к сорту типичной «нежити» [13, с. 301] со всеми вытекающими последствиями.

Журналист не имеет права соскальзывать до статуса серого обывателя с усредненными вкусами и тривиальными ситуационными запросами, довольствуясь убогой бодрийаровской практикой медиа-массажа [1, с. 138]. Это прямой путь в бездну некреативности убогих мелких лавочников, во все эпохи стандартно по-обывательски нечутких к гулу надвигающихся глобальных катастроф [17, с. 116].

Надо держать в уме, что неизбежным следствием долгого упражнения в пороке всегда становится незатейливый взгляд на мир, психологическая, познавательная и нравственная разболтанность и расслабленность, неумение выстроить в линию несколько предложений, постичь без потери смысла развернутое сообщение. И если даже элементарный мыслительный ряд, как полагал Ф. Шлейермахер, стоит понимать как момент бьющей ключом жизни [15, с. 32], то отсутствие навыка адекватно связывать мысли в цепочки – маркер причастности к смерти. Отсюда некрожурналистика. Поэтому в предложенном ракурсе культивации творческих компетенций журналиста необходимо нацеливаться на повышение планки его возможностей до уровня гениальности с сегодняшней тривиальной нормы. Стоит учитывать, что гений – это, несомненно, человек высокого ума, но плюс к этому, по А. Шопенгауэру, он невероятно быстро забывает мелочи и происшествия повседневности, а также незначительных людей, с которыми познакомился, тогда как ограниченные умы всё это отлично помнят [16, с. 115].

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что творчество всегда выполняет созидательную миссию, причем вслед за Э. Фроммом можно говорить о действии в нас заложенного природой инстинкта [13, с. 231]. Лишь при утрате этой инстинктивности, творчество иррационализируется, сбивается и представляется перед нами в весьма ущербном виде. И тогда, перефразируя Й. П. Кулиану [4, с. 58], можно говорить об утрате необходимой в работе журналистов магии воображения из-за поломки эротического механизма взаимопроникнове-

ния неожиданных смыслов и образов. Или об игнорировании творческой стратегии интимизации через разусреднение другого [9, с. 161]. Или, наконец, атрофии способности говорящего существа испытывать творческое беспокойство [3, с. 52–53] и ставить под вопрос самое себя, рефлексировав над мутностью собственного языка [19, с. 82, 87]. Таким образом, медиа рискуют утратой возможности «быть внутри нас» (идея медиафилософа В. В. Савчука [10, с. 394]).

Общий вывод, который вытекает из предпринятых в рамках данной статьи рассуждений следующий: творчество вообще и полноценное журналистское творчество, в частности, своим корнем всегда имеет ментальную, эмоциональную, нравственную чистоту. Если субъект творчества (в нашем случае журналист), подступаясь к созидательному процессу, пребывает в лично разобранном состоянии, не имея ни твердых убеждений, ни четкой мировоззренческой позиции, ни познавательного куража и всесторонней информированности, одновременно терзаемый низменными потребностями и примитивными интересами, то он обрекает себя на т.н. «муки творчества» и «психологический зажим» [5, с. 147, 149] как проявление угасания высших психических функций, обеспечивающих, по мысли Т. Черниговской [7, с. 396], язык и сознание. Творчество, видимо, вообще невозможно в раскоординированном состоянии.

Эффективность журналистского творчества начинается с формирования непорочности как базовой компетенции личности, настроенной на продуктивный и радостный труд. Обретение непорочности предполагает серьезную рациональную работу по уборке сознания от напластований интеллектуального и эмоционального мусора, накопленного в результате беспорядочных интеракций со случайными объектами окружающего мира, а также частого погружения в виртуальные миры разной степени сложности. Действенным средством на этом пути, как нам видится, может стать тщательный аудит памяти и даже временный уход в молчание, поскольку начинающему журналисту на старте карьеры важно получить возможность забыть о ненужных встречах, контактах, пошлых лексических обменах, травмирующих впечатлениях ради обретения главного – серьезного, сосредоточенного подхода к изучению мира и себе как преобразователю. В отечественной культурной традиции подобный подход к творчеству назывался греческим словом *ἡσυχία* (тишина, спокойствие, уединение), суть которого в непрестанной духовной брани с отвлекающими от творчества помыслами, крадущими адекватность и достоверность восприятия.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
2. Кожемякин Е. А. Массмедиа и обратная связь: точка зрения социального конструкционизма // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. №27 (170). Вып. 20. С. 93–101.
3. Кристева Юлия. Черное солнце: Депрессия и меланхолия. М.: Когито-Центр, 2016. 276 с.
4. Кулиану Й. П. Эрос и магия в эпоху Возрождения. 1484. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. 592 с.
5. Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 240 с.
6. Очеретяный К. А. Закат всепроникающей ясности // Междунар. журн. исследований культуры. 2013. № 2. С. 110–111.
7. Разумное поведение и язык. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблемы происхождения языка. 416 с.
8. Ростова Н. Н. Философская аналитика идеи постправды // Христианское чтение. Научный журнал. Теология. Философия. История. 2018. № 6. С. 130–138.
9. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2003. 608 с.
10. Савчук В. В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+; Реабилитация, 2012. 416 с.
11. Татьяна Черниговская: Наступает цивилизация праздности, к которой мы не готовы. Электронный ресурс. URL: https://econet.ru/articles/tatyana-chernigovskaya-nastupaet-tsivilizatsiya-prazdnosti-k-kotoroy-my-ne-gotovy?fbclid=IwAR3keDbSamTzyRlfKwdC83RhDZ3y50JFzVv8tgRyKo_H-oZhoksDViy4LeE (Дата обращения: 25.04.2019).
12. Флоренский П. А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
13. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
14. Цуканов Е. А. Дискурсивные особенности постмедиадиагноза // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (спец. выпуск журнала). Белгород: Политерра, 2018. № 3 (20). Т. 2. С. 193–199.
15. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб.: Европ. дом, 2004. 242 с.
16. Шопенгауэр А. О четвероюм корне... Мир как воля и представление / Ин-т философии. М.: Наука, 1993. Т. 1. Критика кантовской философии. 672 с.
17. Шульц Э. Э. Кто голосовал за НСДАП? К проблеме социальной базы национал-социалистов в Веймарской республике // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 433. С. 116–121.
18. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм СМИ. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
19. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб.: Симпозиум, 2000. 160 с.

References

1. Bodrijar Zh. *Simvolicheskij obmen i smert'* [Symbolical exchange and death]. Moscow, 2000. 387 p.
2. Kozhemyakin E. A. *Massmedia i obratnaya svyaz': tochka zreniya social'nogo konstruksionizma* [Mass media and feedback: sharpening sight of a social konstruksionizm], in:

Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Seriya Gumanitarnye nauki [Scientific sheets the Belgorod State University. Series Humanities]. 2013. No. 27 (170). Release 20, pp. 93–101.

3. Kristeva Yuliya. *Chernoje solnce: Depressiya i melanholiya* [Black sun: Depression and melancholy]. Moscow, 2016. 276 p.

4. Kulianu J. P. *Eros i magiya v epohu Vozrozhdeniya. 1484* [Eros and magic in Renaissance. 1484]. St.Petersburg, 2017. 592 p.

5. Lazutina G.V. *Osnovy tvorcheskoj deyatel'nosti zhurnalista: Uchebnik dlya vuzov* [Bases of creative activity of the journalist: The textbook for higher education institutions]. Moscow, 2001. 240 p.

6. Ocheretyanyj K. A. *Zakat vsepronikayushchej yasnosti* [A sunset of all-penetrating clarity] *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury* [International magazine of researches of culture]. 2013. No. 2, pp. 110–111.

7. *Razumnoe povedenie i yazyk*. Moscow, 2008. Vyp. 1. *Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problemy proiskhozhdeniya yazyka* [Reasonable behavior and language. Issue 1. Communicative systems of animals and language of the person. Problems of origin of language]. 416 p.

8. Rostova N. N. *Filosofskaya analitika idei postpravdy* [Philosophical analytics of the idea of the post-truth of] *Hristianskoe chtenie. Nauchnyj zhurnal. Teologiya. Filosofiya. Istoriya* [Christian reading. Scientific magazine. Theology. Philosophy. History]. 2018. No. 6, pp. 130–138.

9. Rudnev V. P. *Enciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka: Klyuchevye ponyatiya i teksty* [Encyclopedic dictionary of culture of the XX century: Key concepts and texts]. Moscow, 2003. 608 p.

10. Savchuk V. V. *Topologicheskaya refleksiya* [Topological reflection]. Moscow, 2012. 416 p.

11. *Tat'yana Chernigovskaya: Nastupaet civilizaciya prazdnosti, k kotoroj my ne gotovy* [Tatyana Chernigovskaya: There comes the civilization of idleness to which we are not ready]. Elektronnyj resurs. URL: https://econet.ru/articles/tatyana-chernigovskaya-nastupaet-tsivilizatsiya-prazdnosti-k-kotoroy-my-ne-gotovy?fbclid=IwAR3keDbSamTzyRlfKwdC83RhDZ3y50JFzVv8tgRyKo_H-oZhoksDViy4LeE (data obrashcheniya: 25.04.2019).

12. Florenskij P. A. *Sobranie sochinenij. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoj antropodicej)* [Collected works. Cult philosophy (Experience of an orthodox antropoditsea)]. Moscow, 2004. 685 p.

13. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, 1994. 447 p.

14. Tsukanov E. A. *Diskursivnye osobennosti postmediagnostisa* [Discursive features of post-media gnosis] *Sovremennyj diskurs-analiz. Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii (spec. vypusk zhurnalna)* [Modern discourse analysis. Discourse of modern mass media in the long term theories, social practice and education: Materials of international scientific-practical conference (special issue of the magazine)]. Belgorod, 2018. No. 3 (20). Vol. 2, pp. 193–199.

15. Shlejermaher F. *Germenevtika* [Hermeneutics]. St.Petersburg, 2004. 242 p.

16. Shopengauer A. *O chetveroyakom korne... Mir kak volya i predstavlenie. T.1. Kritika kantovskoj filosofii* [About foursome root... World as will and representation]. Moscow, 1993. Vol. 1. Criticism of Kant philosophy. 672 p.

17. Shul'c E. E. *Kto golosoval za NSDAP? K probleme social'noj bazy nacional-socialistov v Veimarskoj respublike* [Who voted for NSDAP? To a problem of a social base of national socialists in the Weimar republic] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Messenger of the Tomsk State University], 2018. No. 433, pp. 116–121.

18. Eko U. *Polnyj nazad! «Goryachie vojny» i populizm SMI* [Full back! «Hot wars» and populism of media]. Moscow, 2007. 592 p.

19. Eko U. *Pyat' esse na temy etiki* [Five essays on subjects of ethics]. St.Petersburg, 2000. 160 p.